

Нужна интеграция идей

29 мая – 1 июня в Москве состоится VIII Международная научно-практическая конференция «Воспитание и обучение детей младшего возраста» (ЕССЕ-2019). О мировых трендах в формировании внутреннего мира дошкольников, новейших отечественных научных разработках в данной сфере и собственном взгляде на эту деятельность рассказывает один из главных специалистов по детской психологии, делегат ЕССЕ-2019, заведующий лабораторией мозга и нейрокогнитивного развития Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина кандидат психологических наук С.Ю. Киселев.

– Сергей Юрьевич, на предстоящей конференции вы заявлены как ведущий спикер...

– Поправка: один из ведущих спикеров.

– Хорошо. Что бы вы могли в этой связи рассказать нам о тематике, которую будете освещать в своих выступлениях? Другими словами, поведаете, пожалуйста, о ваших последних научных разработках.

– Я занимаюсь с детьми уже более двух десятков лет, с 1994 года. Вначале это были психофизиологические исследования, посвященные развитию скорости обработки информации у детей от 4 до 6 лет. И так получилось, что в 1999 году я попал на стажировку в МГУ, познакомился с детским нейропсихологом профессором Татьяной Васильевной Ахутиной. Она была моим оппонентом на защите диссертации и зародила во мне интерес к детской нейропсихологии. В настоящее время я работаю в качестве практикующего специалиста – веду нейропсихологическую диагностику детей дошкольного и младшего школьного возраста, а

также занимаюсь исследовательской деятельностью. Ведь в области нейропсихологии детей дошкольного возраста очень много белых пятен, и они меня чрезвычайно привлекают и интересуют.

– Какие научные методы вы используете в своей исследовательской деятельности?

– В основном, наш отечественный луриевский подход к диагностике детей, в том числе в коррекции и сопровождении детей дошкольного возраста. Но не только. У меня был еще такой замечательный опыт – в 2004-м я уехал на год в США, где стажировался в лаборатории детской нейропсихологии Южно-Илли-

нойского университета. Мне довелось прикоснуться к другому научному подходу: психометрическим критериям диагностики детей. В частности, там я освоил методику, которая называется NEPSY. Это американский вариант нейропсихологической диагностики, которая у нас в России была разработана учениками Александра Лурия – Глозман, Ахутиной, Микадзе. NEPSY была разработана ученицей Лурия из Финляндии Мэрит Коркман, которая обучалась у нас в МГУ. Она потом привезла нейропсихологическую диагностику в Европу, начала адаптировать ее для Финляндии, а потом ее пригласили в США, где она вместе с командой

психологов стандартизировала этот метод на базе американской выборки детей. И сейчас NEPSY является достаточно распространенным методом диагностики детей в США.

– А вы, Сергей Юрьевич, используете его в своих научных изысканиях?

– Вернувшись из США, я стал объединять, с одной стороны, качественный луриевский подход – синдромный анализ, который используется нейропсихологами в России, а с другой стороны, психометрический подход, его активно применяют на Западе, в частности в Америке. Для этого я разработал методику в виде компьютерной игры. Я сознательно пошел на это, потому что для детей дошкольного возраста очень важно, чтобы методика была в игровой форме. На собственном опыте я убедился, что дети наиболее полно раскрываются не в условиях стандартного теста, а когда это задание включено в игру. И решил сделать методику на основе мультика про Чебурашку. Суть заключается в том, что старуха Шапокляк поймала Крокодила Гену, заперла его в пещеру, и Чебурашка просит ребенка помочь ему спасти друга. Понятно, что в этой игре действуют анимационные герои, а все инструкции дает Чебурашка. Когда мы начали проводить пилотные исследования этой методики, то увидели: она хорошо работает, дети откликаются адекватно, и ребенок готов играть в эту игру в течение часа, что для такого возраста немало. Оптимально, конечно, полчаса, но нам нужно получить очень много информации, оценивать ребенка

с разных сторон, и поэтому приходится расширять диагностику до часа. Благодаря этой методике мы за шесть лет набрали большое количество ценного материала. И на конференции я собираюсь подробно обсудить с коллегами полученные нами результаты исследований.

– То есть, если я правильно понимаю, пока о результатах вашего нашумевшего (в узких кругах) исследования говорить преждевременно?

– Ну почему же? О каких-то вещах можно поговорить и сегодня. В этой методике есть пять основных типов функций, которые мы оцениваем. Во-первых, это функция регуляции и контроля, в западной этимологии – executive functions (что в переводе с английского буквально означает «исполнительские функции», но такой перевод не вполне отражает смысл). Это первый блок проб. Второй блок – память и научение: мы оцениваем такие компоненты, как слухоречевая память, память на лица, память на имена, память на предметные изображения. У нас шесть проб на разные виды памяти плюс память на рассказ. Моя задача изначально заключалась в том, чтобы сделать единую систему оценки ребенка, под одной идеей. Синдромный качественный анализ очень сложно проводить с использованием балльной оценки, поэтому нам приходится применять психометрическую методику, основанную на выставлении баллов. Итак, первая часть – функции регуляции и контроля. Вторая часть – это функции памяти и научения. Третий блок – так называемые

сенсомоторные функции. Они включают в себя зрительный гнозис или зрительное восприятие. Это графические пробы, пробы на кинестетику, мелкую моторику. Четвертый блок функций – зрительно-пространственные функции. С точки зрения Луриевской парадигмы, это очень важный блок функций, который участвует в формировании многих навыков ребенка, в том числе школьных. И пятый блок – речевые функции. Из них традиционные – экспрессивная и импрессивная речь. То есть это понимание грамматических конструкций языка, значения слов, фонематический слух. И плюс экспрессивная речь: в частности, такой важный момент, как артикуляция. Задача, как видите, сложная, комплексная. Но зато она дает богатую информацию о текущем развитии ребенка, всех плюсах и минусах, пробелах и успехах. Здесь важно учитывать «эффект потолка», отмеченный психологами: если дети при выполнении теста (пробы) практически все делают хорошо, то это означает, что проба не работает, она не выявляет способности ребенка в зависимости от уровня его способностей и развития. Может наблюдаться обратный эффект, когда никто из детей не может выполнить пробу – значит, эта проба разработана неправильно. Важно так разрабатывать пробы, чтобы они обладали дифференцирующей силой, могли выявлять среди детей как слабых в своем развитии, так и сильных и средних. Нам стоило больших трудов понять, какие пробы наиболее чувствительны (а значит, эффективны) для возраста от 4 до 6 лет. Это наиболее важный период раз-

вития ребенка. Луриевские пробы разрабатывались, в основном, для детей школьного возраста. А я поставил задачу адаптировать эти пробы для дошколят. В конечном итоге это будет разносторонний продукт: нейропсихологическая диагностика в компьютерной версии, в которой будет заключен наш опыт шестилетних исследований, внесены все изменения. Надо вместить весь диагностический процесс в один час. Идея заключается еще и в том, что это будет онлайн-тестирование через Интернет. Другими словами, можно будет легко в садике провести ряд проб и выявить отставание, слабость или, наоборот, сильные стороны ребенка. А на основании результатов диагностики можно понять, какие дополнительные упражнения ему требуются для развития или коррекции. Но это второй этап. А сейчас мы создаем финальный вариант нейропсихологической диагностики. Меня это очень вдохновляет. Сейчас появилась возможность сделать полный профессиональный продукт – инструмент, готовый к применению. У меня для этого есть команда, которая работает вместе со мной, есть финансирование. Так что в нынешнем году мы планируем завершить эту работу.

– Какую конкретно часть вы собираетесь представлять на конференции ЕССЕ в Москве в мае-июне 2019 года?

– Я представлю результаты исследований по данной компьютерной методике, которая является пилотным вариантом. Профессиональная версия выйдет, скорее всего, к концу этого

года и будет уже не экспериментальным инструментом, а диагностической методикой в полном смысле этого слова.

– Какова основная идея этого проекта?

– Дать возможность ребенку раскрыться. Здесь важно выстроить контакт с малышом, предложить элементы игровой деятельности, одним словом, создать наиболее комфортную ситуацию, в которой ребенок сможет проявить все свои возможности, ресурсы. Потому что иногда бывает противоположная картина, когда ребенок на тестировании проявляет страх по отношению к диагносту, психологу и не показывает адекватного результата. И может сложиться впечатление, что у ребенка что-то не так: плохо здесь, трудности там. А на самом деле это неправильно выстроенная диагностика. Для меня как практика важно стремиться к адекватной атмосфере. Я обычно провожу тестирование в присутствии родителей, и они иногда удивляются: ах, какие, оказывается, способности у нашего отпрыска, неужели он может делать такие вещи? Я говорю: вот видите, если созданы комфортные условия для ребенка, то он выдает такие результаты, раскрывая все свои ресурсы. И родители начинают смотреть на своего ребенка по-другому. Это тоже очень важный результат диагностики.

– Чем ваша новая версия диагностики отличается от старой?

– В новой версии будет не Чебурашка, а Колобок. Это связано с авторскими правами наследников Эдуарда Успенского. К тому

же Колобок, согласно исследованиям, является очень приятным для ребенка: желтый цвет, круглая форма. Сейчас мы полностью переделали дизайн методики «под Колобка». Это – русская народная сказка, и авторское право принадлежит народу.

– Когда ваш нейропсихологический диагностический инструмент будет готов, его применение станет обязательной частью образовательной программы в детском саду?

– Это было бы прекрасно! Но, к сожалению, как вы понимаете, в детских садах работает только один психолог, методист, логопед, и силами одного психолога проводить такую диагностику невозможно. Я предполагаю, что пока новая методика будет применяться для тестирования детей, находящихся в группе риска. Это дети, у которых синдром дефицита внимания и гиперактивности, речевые проблемы, отставание в формировании навыков. Эта диагностика позволит выявить комплексный профиль ребенка. Ведь прежде чем начинать выводить ребенка на типичное развитие, необходимо иметь полную картину того, как у него развивается речь и другие функции: двигательные, сенсорные, мыслительные. Это позволит выстроить систему сопровождения малыша. В то же время, если у ребенка наблюдается более сложные отклонения, то необходимо перенаправлять его к профессионалу – детскому нейропсихологу. Когда я пытаюсь помочь ребенку и разработать для него систему сопровождения, то, как правило, делаю синдромный анализ, наи-

более глубокий с точки зрения понимания природы нарушения. Компьютерная версия будет промежуточным шагом. Если она выявит серьезные риски, то ребенком в дальнейшем должен заняться нейропсихолог. Таких специалистов, увы, немного. Но для некоторых детей это единственный путь, который позволит ему выйти из сложной ситуации, в которой он оказался.

– Правильно ли я понимаю, что ваша методика – инструмент в помощь структурам ПМПК и другим организациям, занимающимся диагностикой детей с ОВЗ?

– Да, именно так. Это методика широкого применения. У некоторых детей есть отдельные слабости, отставания и другие дефициты, которые не позволяют им эффективно адаптироваться к среде: осваивать школьную программу, выстраивать коммуникации, заниматься игровой деятельностью. Таких детей очень важно выявлять на самом раннем этапе, желательно в дошкольном возрасте. Важно вовремя увидеть, что пошла дезадаптация, отклонение от развития, провести нейропсихологическую диагностику, комплексную оценку и минимальные, в течение месяца или двух, коррекционно-развивающие занятия, которые вернут ребенка на нормальный путь развития. Потому что в школьном возрасте делать это будет гораздо сложнее.

– Ваша комплексная нейропсихологическая диагностика предполагает рекомендации по коррекционно-развивающему сопровождению?

– Конечно. Это – наша вторая задача, второй этап разработки нашей методики. Рекомендации будут компьютеризированы – создается лист рекомендаций, наиболее оптимальных упражнений: двигательных, сенсорных, графических. Рекомендуются виды спорта, которые наиболее эффективно работают в той или иной ситуации. Одним словом, появляется инструмент, который

Важно вовремя увидеть отклонение от развития, провести нейропсихологическую диагностику, комплексную оценку и минимальные коррекционно-развивающие занятия, которые вернут ребенка на нормальный путь развития

в современном обществе отсутствует. Родители, сталкиваясь с проблемами у детей дошкольного возраста, часто не знают, что делать: они могут пойти к психологу, психиатру, неврологу, одним словом, попасть с ребенком на прием к специалисту. И если им повезет, то хороший специалист поставит ребенка на путь развития, разработает правильное сопровождение. А что делать, если такого специалиста не оказалось? А если каждому дошкольнику проводить экспресс-диагностику, выявляя его сильные стороны и дефициты, то намного проще будет видеть и устранять эти проблемы. Даже если сотрудникам детских садов – спортивным инструкторам, учителям танцев – дать инструкции, какие упражнения применить к ребенку, это даст очень сильный эффект. Дело в том, что у детей дошкольного возраста практически все базовые механизмы работы мозга формируются именно в двигательной

активности. Поэтому достаточно ввести определенный вид двигательных упражнений, которые начнут развивать слабый механизм. Даже минимальные интервенции в этом возрасте приводят в итоге к намного большему эффекту, чем, скажем, если уже в школьном возрасте проводить коррекционно-развивающую работу с ребенком, имеющим дефицит развития.

Слышали про нобелевского лауреата Джеймса Хэкмана? Надо как можно больше вкладываться в раннее развитие детей, говорит он. Добавлю: как можно больше вкладываться в раннюю диагностику отклонений, создание ранних коррекционно-развивающих сопровождающих программ. Если мы выстроим у себя в России систему ранней диагностики и сопровождения, то это поможет решить очень много проблем в нашем обществе. Большинство этих проблем идут с дошкольного возраста. Я говорю сейчас не только об эмоциональных травмах, но и о когнитивном, коммуникативном, сенсомоторном развитии ребенка.

– Теперь понятно, что, когда академик Веракса говорил, что в России ведется работа в направлении ранней диагностики, он имел в виду ваши исследования.

– Не только мои. Мы в январе этого года собирались в «Сири-

усе» на III Всероссийской конференции «Путь к успеху», и там был круглый стол, в работе которого участвовали специалисты по дошкольному образованию. Мы обсуждали создание системы оценки развития детей дошкольного возраста в России. Там высказывались разные идеи и мнения. В итоге создали консорциум, в который вошли четыре лаборатории, одна из Томска, одна из Екатеринбурга (моя) и две из Москвы, в частности Центр Вераксы. Эти лаборатории будут разрабатывать единую систему оценки развития детей дошкольного возраста. Мы также пришли к идее, что, может быть, стоит проводить следящую диагностику силами воспитателя, который имеет доступ к ребенку и наблюдает за его поведением в течение дня. Если воспитателю дать инструмент, позволяющий правильно наблюдать за ребенком и выявлять особенности в его развитии и поведении, то мы сможем получить информацию, как развиваются психологические функции ребенка. Но это сложно. Дело в том, что педагоги и воспитатели смотрят на ребенка через призму конечных навыков и умений, то есть, по сути дела, результата. Научился ли ребенок рисовать? писать? читать? Владеет ли арифметическими навыками? На самом деле это верхушка айсберга, на которую воспитателей и педагогов принято ориентировать. Но за ней, в глубине, скрыто развитие психических функций, а еще глубже – мозговых механизмов: речи, восприятия, памяти, сенсорных механизмов, межполушарного взаимодействия, регуляции и контроля и т.д. Комбинация этих

психических процессов, а также мозговых механизмов, образующих функциональные системы, и создает то, что мы называем навыками и умениями. Но воспитатели не научены смотреть вглубь проблемы. Психологов мы этому обучаем: на что надо обращать внимание в следящей диагностике, чтобы наблюдать особенности развития психических функций, а не навыков и умений. И если мы обучим воспитателей и педагогов хотя бы основным навыкам следящей диагностики, то это будет просто здорово! Тогда нам удастся ввести глобальную и эффективную систему оценки развития детей. Но это пока под вопросом, сейчас мы будем делать исследования, которые позволят нам увидеть, работает такой подход или нет. В дошкольном возрасте наиболее активно развивается межполушарное взаимодействие, обработка сенсорной информации, кинетический механизм в работе мозга. И этот уровень понимания наиболее ценен, потому что мозговые механизмы определяют развитие психики и поведения, в конечном счете развитие навыков и умений. Я, обладая инструментом нейропсихологической диагностики, могу прогнозировать, что будет у ребенка в школе, какие риски его поджидают. Такую нейропсихологическую диагностику организовать трудно. Но мы предполагаем, что через воспитателей можно выходить на уровень оценки психических процессов. В данном исследовании будет проводиться также нейропсихологическая диагностика силами психологов, в частности, с помощью разработанной мной компьютерной методики. И потом связывать

полученные данные и проводить анализ: есть ли связь между тем, что видит воспитатель и оценивает по своей методике, и тем, что видит психолог-профессионал по нейропсихологической методике. У нас в Екатеринбурге есть два садика, в которых уже начаты исследования, там более 400 детей в возрасте от 4-х до 6 лет – из средней, старшей и подготовительной групп.

– Когда вы предполагаете завершить эти исследования?

– К июню 2019 года мы должны все эти данные соединить и посмотреть, работает или не работает этот подход. Ведь каждый смотрит на ситуацию, исходя из своих личных установок: если в течение пяти лет человека обучали педагогической оценке, то очень тяжело заставить такого специалиста смотреть на ребенка с точки зрения психологии, а тем более нейропсихологии. Поверьте, я давно занимаюсь этим, веду мастер-класс для педагогов по нейропсихологической диагностике и коррекции детей. Когда я рассказываю, как надо смотреть на ребенка, какие замечать ошибки, я часто вижу, что педагогам сложно преодолевать свою установку видеть только уровень развития навыков и умений ребенка. Чтобы так работать, надо обязательно пройти определенное обучение.

– То есть перечислять придется и воспитателей, и педагогов? Чтобы они владели нейропсихологическим инструментом?

– Да, в какой-то мере, придется это делать. Я часто удивляюсь: когда я провожу показательную

диагностику ребенка в присутствии психологов, логопедов, дефектологов, то спрашиваю: видели ли вы такую ошибку? или вот, к примеру, такую? Оказывается, они не заметили ее или не обратили внимания. Почему? Психологи и педагоги чаще всего ориентированы на результат выполнения ребенком какого-то задания. Нам же важно знать, КАК ребенок достиг этого результата. Это и есть наблюдение за теми ошибками, которые ребенок продемонстрировал во время задания. Отвлекаясь, например, истощился, и в результате снизилась активность. Есть типы ошибок, которые очень четко свидетельствуют о слабости того или иного механизма в работе мозга: например, если ребенок закичивается, сложно переключается с одного движения на другое при освоении нового двигательного навыка, то это может говорить об отставании в развитии кинетического механизма в работе мозга. Это и есть те ошибки, которые могут даже и не отражаться на результате, но очень хорошо видны в процессе выполнения ребенком того или иного задания. В Екатеринбурге я обучаю специалистов, работающих с детьми, использовать такой подход в диагностике детей. В этом году мы решили создать Уральскую ассоциацию детских нейропсихологов, которая будет помогать специалистам, использующим этот подход.

– Недавно в нашем журнале рассказывалось о семинаре, состоявшемся в одной московской школе, о новых методиках для работы с детьми с задержкой психического развития (ЗПР).

Диагноз очень распространенный, не так ли? Это состояние поддается коррекции с помощью вашей методики?

– Безусловно, инструмент нейропсихологической диагностики может помочь детям с таким видом отклонений. Надо как можно раньше начинать коррекцию. ЗПР – это не диагноз, а своеобразный ярлык, который навешивается на ребенка, когда у него есть проблемы в школе, садике. Вариантов задержки психического развития может быть очень много. Ведь суть ЗПР состоит в том, что есть отставание в развитии психических процессов. Но психические процессы очень разнообразны – речь, память, восприятие, мышление. Возникает вопрос: по какому типу происхо-

ные по механизму расстройства, хотя по фенотипу они вроде бы похожи. Одно дело – малыши со слабостью регуляции, а другое – со слабостью нейродинамики. В первом случае для развития ребенка важны ролевые игры, в которых он следует определенным правилам. Ребенок, попадая в пространство ролевой игры, неизбежно будет использовать функции регуляции и контроля. А для детей с дефицитом нейродинамики важна дыхательная гимнастика, упражнения, которые влияют на мышечный тонус, способность расслабляться. Ребенку со слабой нейродинамикой очень полезны упражнения по развитию глубокого диафрагмального дыхания, так как такое дыхание позволяет эффективней активи-

Если мы выстроим у себя в России систему ранней диагностики и сопровождения, то это поможет решить очень много проблем в нашем обществе

дит задержка? На этот вопрос может ответить развернутая нейропсихологическая диагностика, которая определит типологию ЗПР. А от этого зависит вариант сопровождения, который мы предлагаем. Пример: если у ребенка идет отставание в развитии регуляции и контроля, ребенок хаотичный, неадекватный, не слушает учителя, то для него нужна одна система сопровождения. Но есть другой тип детей, которых также относят к ЗПР, – дефицит внимания: например, ребенок быстро истощается и теряет внимание, отвлекается на посторонние стимулы, в этом случае у ребенка нарушена нейродинамика. Эти дети совершенно раз-

рывать головной мозг и снабжать его кислородом.

Необходима интеграция, необходим общий язык, который объединит психологов, генетиков, дефектологов, нейропсихологов и т.д. Сегодня, когда я говорю на языке нейропсихологии с педагогом или даже с психологом, нам не всегда удается понимать друг друга. Поэтому создание интегрирующих механизмов очень важно! И предстоящая конференция ЕССЕ-2019 – это та площадка, на которой можно успешно реализовать столь важную задачу.

Интервью взяла
Светлана Аннина